

ОТ ЧИСТОГО ИСТОКА – В ПРЕКРАСНОЕ ДАЛЕКО

Отечественная культура как фактор перехода к новому типу цивилизационного развития

Олег РОМАНОВ, кандидат философских наук, доцент

Цивилизационный подход пользуется все более широкой популярностью у обществоведов, что объясняется его значительным эвристическим и прогностическим потенциалом. Он реализуется в трех контекстах: единой мировой цивилизации – перехода от расколотого к взаимосвязанному и взаимозависимому миру, способному выступать в качестве самостоятельного субъекта исторического развития; выделения уровня, специфики и этапов развития отдельных регионов мира или суперэтносов, отличающихся базовыми ценностями и способами жизнестроения; жесткой оппозиции понятий «культура» и «цивилизация».

Обозначенный подход базируется на идеях немецких романтиков, противопоставлявших «живую жизнь» культуры, отличающейся пластичностью и целостностью, цивилизации с ее техно-бюрократической косностью, рационализмом и утилитаризмом.

Сущностным признаком восточнославянской культуры, имеющим огромное перспективное значение, является способность синтезировать эти равно актуальные контексты, сообщая им особый ценностный смысл. Сегодня, когда техногенная цивилизация с нарастающей скоростью уничтожает органические формы бытия в природе и культуре, идеи ранних славянофилов о «спасительной миссии» отечественной культуры заслуживают нового прочтения. Разумеется, речь идет не о какой-то «моно-

полии» на духовность и мессианство, но об осознании непреходящего значения западных культур, в том числе восточнославянской, в качестве альтернативы технократическому нигилизму.

Потенциал восточнославянской цивилизации в деле построения нового типа социальной реальности может принижаться посредством подчеркивания выраженного пласта архаичных смыслов в системе отечественной культуры. Нередко можно встретить утверждения о ее несовместимости с ценностями экономической рациональности, политической терпимости, правовой легитимности. Источник таких утверждений – в одномерном позитивном сознании, меряющем культуру внешними ей утилитарно-потребительскими критериями. Подобному типу сознания соответствует представление, что важнейшая функция культуры состоит в обеспечении технологического рывка и современного уровня жизни.

Однако подлинная культура не исчерпывается рамками содержания какого-либо типа сознания, как и интересами ныне живущего поколения. Ее многомерное и разнообразное внутреннее строение содержит в себе «матрицы» разных типов жизнеустройства и конкурирующие страте-

ОБ АВТОРЕ

РОМАНОВ Олег Александрович.

Родился в 1975 году в г. Гродно. В 1997 году окончил Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, в 2000-м – аспирантуру кафедры философии этого же вуза.

С 2006 года – доцент кафедры философии ГрГУ имени Янки Купалы.

Кандидат философских наук (2001), доцент (2007).

Автор более 50 работ по проблемам социальной философии и истории русской философии.

Сфера научных интересов: генезис, устройство и перспективы развития восточнославянской цивилизации.

гии долгосрочного развития. Чтобы их осуществлять, культура должна иметь в своем содержании множество альтернативных кодов, языков, практик. Сегодня эта аксиома вступила в противоречие с углубляющейся тенденцией интерпретации культуры как источника материальной эффективности. Даже в академической среде широко распространено мнение о неполноценности национальной культурной традиции по причине того, что она не смогла создать конкурентоспособную экономику и обеспечить удовлетворение постоянно возрастающих потребностей. Однако те, кто предчувствует зарождение новой эпохи и появление новых критериев подлинного бытия, должны взять на себя риск отстаивать непопулярные ныне ценности.

Наш принципиальный тезис состоит в том, что идеология и практика техногенно-потребительской стратегии развития, основанные на безграничном росте материальных потребностей, безудержной технико-экономической экспансии и социальной конкуренции, привели в конце концов все человечество на грань глобальной катастрофы. Отмеченная стратегия абсолютно исчерпала себя к концу XX века. Иррационально высокие стандарты жизни стран «золотого миллиарда» поддерживаются сегодня за счет низкого уровня жизни остального мира. Эгоистическое потребительство техногенной цивилизации вступило в неразрешимое противоречие с возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами биосферы, а механизмы природного самовосстановления не справляются с потоками отходов человеческой жизнедеятельности.

Таким образом, необходимо реабилитировать те культурные ценности и практики, которые были реализованы незападными культурами. Конечно, полный отказ от достижений современности невозможен хотя бы по той причине, что нынешнее народонаселение требует современных технологий для элементарного жизнеобеспечения. Поэтому необходим равноправный диалог разных культурных традиций, продуктивный синтез их принципов и идеалов. И в этом диалоге роль восточнославянской культуры может оказаться решающей. Наши народы, издавна находясь на границе Запада и Востока, сформировали удивительную способность творчески синтезировать инокультурный опыт, создавать

жизнеспособные формы общественного бытия и сознания, избегая крайностей. Готовность к подобному диалогу объясняется и тем, что народам России и Беларуси довелось в значительной степени испытать на себе издержки техногенного развития, свойственные Советскому Союзу.

Что же может предложить восточнославянская культура для преодоления тупиков техноцентризма и потребительства? Во-первых, устойчивое стремление к духовно-ценностному восприятию реальности. Стремление к идеалу, правде, которые, с точки зрения восточного славянина, онтологически реальны, предопределяют и повседневные практики, и жизненную стратегию. «Говоря языком современной науки, – справедливо пишет И. Василенко, – православно-христианская идентичность формирует особый тип личности с постматериалистической структурой потребностей, феномен «очарованного странника» (Н. Лесков), взывающего не материальных ценностей, не жизненного успеха, а правды, справедливости и смысла жизни» [1, с. 62]. «Очарованный странник» с его способностью жить социально значимой идеей противостоит «экономическому человеку», идеал которого – «потребительское общество», разрушающее все высокие культурные мотивации. Поэтому только люди, взывающие смысла, воодушевленные идеей духовного преобразования мира, окажутся способными решать глобальные проблемы современности.

Ослабив ценностно-рациональную мотивацию поведения, либерал-реформаторы в России добились не воцарения целерациональности западного типа, а массового взрыва асоциальных стихий. На нашей почве духовная анемия, ослабление ценностей – значительно более серьезная опасность, чем избыток воодушевления или склонность к мифотворчеству. Из мифа может родиться дух поэзии и музыки (Ницше), равно как и аскетическая жертвенность, необходимая для восстановления государственности. Из ценностного и культурного вакуума способен возникнуть только вселенский нигилизм, несущий опасность превращения населения постсоветского пространства в криминальную диаспору, расползающуюся по всему миру.

Высокая степень актуальности данного измерения восточнославянской культуры

обусловлена тем обстоятельством, что кризис технократических установок западной цивилизации требует обращения к духовно-ценностным основаниям исторического развития. Современность убедительно показывает, что в ситуации ослабления моральной воли и энергетики вся сложность машинной индустрии не только не дает нужного результата, но и оказывается экологически и культурно опасной. Другими словами, вне воодушевленности и ценностной ангажированности человека, задействованного в социальных процессах, невозможно мыслить и реализовывать идеалы прогресса. Но западная культура, начиная с эпохи Просвещения, пошла по пути «остужения» человека, снятия с него повышенных морально-этических обязательств. Считалось, что «разумные эгоисты» значительно легче найдут консенсус по поводу решения повседневных проблем, нежели страстные романтики и подвижники. В строго теоретической форме эту идею выразил Кант. Формализованная этика Канта – нравственность, свободная от привязанностей и ориентированная на психологический и культурно нейтральный категорический императив.

Восточнославянский же культурно-исторический тип исповедует совершенно иные принципы. В нашем типе цивилизации нет и не может быть труда, производства, социальной активности вообще, построенных на принципах эквивалентного обмена стоимостями. Когда восточный славянин, питаемый энергией вдохновения, идущей от воли, верит в общественное устройство, он неизменно дает больше того, что предусмотрено «обменом»; когда же перестает верить – дает неизмеримо меньше, и вся социальная жизнь расстраивается, превращаясь в хаос. Это значит, что восточнославянский цивилизационный тип является этикоцентричным – не в смысле особого нравственного превосходства над другими, а в смысле неспособности проводить последовательное различие между повседневными рутинными обязанностями и высшим служением. Судя по многим признакам, именно эта способность ставить свою земную деятельность под знак идеала совершенно необходима в эпоху глобальных кризисов, без этого открытие качественно нового будущего совершенно невозможно.

Стоит подчеркнуть еще одну особенность восточнославянской культуры – ее умение согласовывать и гармонизировать разнородные начала – этнические, культурные, социальные. Исторический опыт и Беларуси, и России являет миру чудо сохранения множества этносов, которые не были подавлены, вытеснены этносом-гегемоном. Диалоговый принцип восточнославянской культуры, осмысленный Ф. Достоевским и М. Бахтиным, представляется величайшим цивилизационным достоянием, которое надлежит сберечь и развить в новых условиях.

Парадокс Запада состоит в том, что сформированный им принцип плюрализма применяется исключительно для «домашнего пользования», практически не распространяясь на отношения с другими культурами и цивилизациями, в России же и Беларуси он является основой межэтнического и межкультурного взаимодействия. В эпоху глобальных трансформаций диалоговый «архетип» восточнославянской культуры – ее вселенская отзывчивость, презумпция ценности другого, способность к кооперации с носителями иных типов опыта приобретает судьбоносное значение.

Еще одним принципом жизнестроения восточнославянской культуры является натурфилософский органицизм, удивительно созвучный экологическому императиву современности. Западноевропейская культура мыслит мир в аналитических омертвляющих категориях, и потому он предстает в образе механической конструкции, ни к чему человека не обязывающей. Его кажущаяся простота подстегивает рационалистическую гордыню преобразования и покорения, заканчивающуюся тотальным распадом. Совсем другое дело русская культура: в лице своих наиболее видных представителей она сформировала одушевленный, даже одухотворенный образ мира, побуждающий человека к соучастию и равноправному взаимодействию. Так, русская натурфилософская школа (В. Докучаев, А. Чижевский, В. Сукачев) выдвинула идею о всеобщей одушевленности мира, возродив гераклитов образ «живого огня». Современная наука подтверждает эту гипотезу, указывая на способность Вселенной к самоорганизации и даже к целеполаганию, что, несомненно, есть свойство живого. Свой вклад в осмысление этой проблемы

внесла и русская философия «серебряного века». В. Соловьев, выделив три возможных типа отношения к природе – «страдательное подчинение ей», отрицательно-деятельностное отношение, выражающееся в активной борьбе с ней, и положительно-деятельностное, для которого характерно утверждение ее идеального состояния – в последнем случае предвосхитил современный «постнеклассический» этап развития науки, важнейшей чертой которого является ценностное отношение к познаваемой действительности. Это значит, что наука сама должна подчиняться ценностному императиву: реализуемые его практики должны быть соразмерными, сопричастными природе как ценности, сберегаемой человеком. Поэтому подлинный объект науки – не отдельные предметы и процессы, на которые можно нажимать как на рычаги, получая нужный результат, но «общая природа всех вещей, и если предмет истинного познания есть внешний, реальный мир, то не как простая совокупность вещей, а как природа вещей» [2, с. 613]. Так в русской философии наметился синтез теоретического и практического (нравственного) разума, которого самому Канту достичь не удалось.

Каковы же истоки этого органицистско-космоцентрического мировоззрения, в каких духовных глубинах оно укоренено? После классических исследований М. Вебера в области сравнительного религиоведения, показавшего детерминированность хозяйственного, политического и социального мира каждой цивилизации соответствующей ей религией, ответ надо искать в сфере религиозной традиции и формируемых ею мотиваций. Если говорить о восточнославянской традиции, то хорошо известен ее «космоцентризм», отличный от социоцентризма европейской, в особенности протестантской традиции, противопоставляющей человека природному миру.

Сравним два мировоззрения, две картины мира: восточнохристианскую и западноевропейскую. Западноевропейское христианство (католицизм и в еще большей степени протестантизм) исходит из презумпции греховности материи, ее предельно низкого статуса в системе бытия. Такое принижение означает омертвление природы, возникновение пафоса ее преобразования и переустройства. Непонимание реальной

сложности и одухотворенности материального мира ведет к технократическому нигилизму и экологическому кризису. Восточнохристианское мировоззрение придает материи совершенно иной статус: она выступает как светлое жизненное начало, в котором сокрыта необыкновенная глубина и гармония. Задача человека, как ее видит православное христианство, заключается не в борьбе с материей, не в третировании ее как греховного и низкого начала, влекущего человека ко злу, но в просветлении и творческом преображении природы, выведении ее на качественно иной уровень. Во главу угла ставится стремление в каждой вещи увидеть замысел Творца, «развеществовать» его и реализовать в практике. Тем самым вектор деятельности направлен не вниз – к редукции и тиражированию, но вверх – от земного, падшего бытия в горные высоты.

Православное христианство утверждает идею «нераздельности» и одновременно «неслиянности» земного и божественного миров, их актуального присутствия в человеческой жизни. Идея синергии, т.е. органичного согласования разнородных начал, выработанная православной патристикой, на несколько веков опередила коэволюционные стратегии и прямо соответствует требованиям современной экологической науки.

В этом смысле весьма показательное отношение к земле, сформированное в русской культурной традиции. Земля – это не только и не столько природный ресурс, используемый в хозяйственной и индивидуальной жизни. С ней связываются самые сокровенные из национальных надежд и воспоминаний, она наделяется высочайшим ценностным значением, не сводимым к экономической прибыли и пользе. К большому сожалению, о глубинном экологизме восточнославянской культуры мы говорим сегодня как об идеале. История XX века для России во многом стала временем отказа от своей самобытной культуры, ее ценностей и принципов. Западные модели общественного развития привели к формированию социальной системы, воспроизводящей худшие стороны техногенной цивилизации – хищнически эксплуативный характер отношения к природе, энерго- и материалоемкость производства, бездумное потребительство. Поэтому сейчас

совершенно необходимо возрождать собственные культурные основания, творчески переосмысливая их.

Следующей перспективной чертой славянского мира нужно признать приоритет женского начала в культуре. Многие культурологи, философы говорят о женственности славянской души, контрастирующей с волевым началом германского мира. В определенном смысле мировая культура держится на дуализме мужского и женского начал (Логос – Земля, Инь – Ян и т.п.). Техногенная цивилизация с ее образом общества как фабрики, культом Машины и Организации несомненно представляет собой апофеоз мужского начала. Этот явный перекокс в сторону мужественности в культуре должен быть исправлен, и мы вправе ожидать новой реабилитации женственности в ее разнообразных превращенных формах (терпимости, жертвенности, бескорыстной любви). В формировании гуманистически ориентированного общества указанный архетип должен сыграть одну из ключевых ролей.

Таким образом, поиски субъекта ответа на глобальные вызовы современности привели нас в ареал восточнославянской культуры. И действительно, судя по многим признакам, именно здесь может зародиться большая идея, адресованная человечеству. Наши народы на фоне неудовлетворенности настоящим обладают культурным потенциалом, соответствующим требованиям будущего. Именно восточнославянская православная культура может придать духовное измерение грядущему формационному сдвигу. Наша задача – отказаться от имитационного пути исторического движения, концепции «догоняющего» развития и предложить принципиально новую социокультурную модель. Сегодня может получиться так, что технически и экономически «неимущие» смогут утвердить себя в качестве духовно имущих – тех, кому есть что сказать миру, испытывающему настоятельную потребность в новом сознании и новых формах социального бытия.

Однако для того, чтобы выступить в качестве ведущего субъекта глобальных трансформаций, восточнославянской цивилизации необходимо провести большую внутреннюю работу по решению комплекса собственных проблем, многие из которых ставят под сомнение перспективы ее даль-

нейшего развития. Ведь цивилизация, к которой мы принадлежим, сможет выполнить стоящую перед ней всемирно-историческую задачу лишь при условии сохранения своей идентичности. Ее оздоровление, модернизация и достижение краткосрочных и перспективных целей требует воплощения в жизнь ряда ценностей и их синтеза, объединения в четко осознаваемую и ясно выражаемую идеологию. К числу этих ценностей относятся: социальная справедливость; всеобщая ответственность как доминанта общественной жизни; патриотизм; права личности в той мере, в которой они не подрывают и не ущемляют общих прав.

Рассмотрим каждую из них. В настоящее время пристальное внимание к категории социальной справедливости в немалой степени обусловлено экономическими и социально-политическими условиями жизни трансформирующихся государств. Многие исследователи указывают на негативные социальные последствия экономических трансформаций, на рост дифференциации в возможностях распоряжения, владения и пользования материальными и социально-культурными ресурсами, что самым прямым образом соотносится с поведенческими составляющими политической культуры – политическим участием, протестной активностью. Непосредственная цель современных восточнославян-

ских обществ – обеспечение социальной справедливости на основе значительного повышения уровня жизни людей, в первую очередь мало- и среднеобеспеченных, гарантирующего им самим удовлетворение хотя бы основных физических и социальных потребностей, включая воспитание детей полноценными членами общества, а обществу – большую внутреннюю однородность и стабильность, преодоление демографического кризиса, возобновление массового технологического прогресса. Достижение этой цели – неотъемлемое условие конкурентоспособности в современном мире. Как пишет М. Делягин, «общество с высокой социальной дифференциацией внутренне разорвано и постоянно генерирует внутреннюю напряженность, вынужденное сдерживание которой отвлекает его ресурсы от задач развития и ведет к отставанию от конкурентов» [3, с. 52].

Социальная ответственность, то есть взаимная ответственность общества и личности, в восточнославянском культурном типе не только служит важным условием общественного прогресса, как в других странах, но занимает высокое место в иерархии ценностей. Вопреки распространенному мнению, устойчивые социальные связи образуются не только и не столько на основе взаимной материальной выгоды. Их подлинный источник – духовное стремление к единству и целостности. В частности, нация есть не только общий рынок и единое

правовое поле, но, в первую очередь, признание всеми гражданами определенного набора объединяющих ценностей и взаимной ответственности за их сохранение и продуктивную реализацию.

Это даст огромный шанс, позволяющий нам уже в обозримом будущем укрепить целостность и единство общества, связав его незримой сетью взаимного доверия, уважения и ответственности. Данная сеть может оказать воздействие и на другие общества, делая их дружественными и понятными нам вне зависимости от текущих интересов и желаний их правителей.

Отдельно стоит сказать о патриотизме и позитивном реваншизме. Поражение Советского Союза в холодной войне повлекло ряд крупных, а порой и катастрофических последствий. Их масштаб в некоторых постсоветских странах вполне сопоставим с результатами поражения Германии, Японии и Италии во Второй мировой войне. Однако у проигравших в той войне осталось единое национальное самосознание и жажда реванша. У многих народов бывшего СССР на смену чувству «новой исторической общности» не пришла конструктивная национальная идентичность. В материальной сфере практически все образованные на обломках СССР государства «испытывали чудовищную комплексную деградацию, падение уровня жизни, утрату технологий, разгул преступности и архаизацию общества. Многие постсоветские общества во-

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Идет подписка на «Беларускую думку» на I полугодие 2014 года!

«БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»

74938 – ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 14 850 руб., 3 мес. – 44 550 руб.,
6 мес. – 89 100 руб.

749382 – ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 34 947 руб., 3 мес. – 104 841 руб.,
6 мес. – 209 682 руб. (включая НДС).

**СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ –
В 2 РАЗА НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ**

шли в подлинные социальные и национальные катастрофы, которые в большинстве из них еще далеки от завершения. Некоторые прошли через разрушительные вооруженные конфликты, утратили контроль над существенной частью своей территории. Демографическая цена (численность преждевременно умерших и не родившихся) реформ только в России превышает 12 млн человек и составляет более 8 % современного населения» [3, с. 56].

Конструктивным ответом на данное положение дел может и должен быть рост уважения к своему прошлому и многим измерениям настоящего, реализующийся несмотря на массивные попытки внутренней и внешней пропаганды дискредитировать отечественный культурный опыт. В частности, проявлением уважения к своей культуре выступает растущее понимание того, что страны, отменившие крепостное право лишь на 13 лет раньше России (Германия и Австрия) или даже позже ее (США), а также признавшие избирательное право женщин лишь в 1928 году (Великобритания), не могут быть «эталоном демократии», тем более если их «уроки демократии» носят откровенно корыстный и лицемерный характер. Даже представители крупного и среднего бизнеса, в начале своей деятельности вполне разделявшие иллюзию «мира без границ», сегодня начинают понимать, что долгосрочная реализация их коммерческих интересов невозможна без становления сильных государств и их влиятельных блоков, способных не только оказывать поддержку, но и прокладывать деловым слоям дорогу для экспансии на внешних рынках.

Таким образом понятый патриотизм не должен сводиться к сентиментальным рассуждениям, он обязан лечь в основу жесткой, по-хорошему прагматичной и системно организованной политики, направленной на отстаивание интересов восточнославянских народов. Ее органичной частью может стать позитивный реваншизм, т.е. направленность на возвращение позиций в тех сферах общественной жизни, которые были утрачены в последние десятилетия. Однако реализация реваншистской политики ни в коем случае не должна пробуждать к жизни низшие инстинкты некоторых членов общества. Ее цель и смысл состоят в «возвращении своего» – неотъемлемых рынков и ресурсов, необходимых для успешного и

устойчивого развития российского, белорусского и украинского обществ.

Не менее важное условие успешного и справедливого развития общества – защита прав личности. Сегодня данная проблематика практически монополизирована носителями либеральной идеологии, дающими ей довольно специфическое толкование. Человек как носитель прав явно или неявно противопоставляется обществу и государству, которые пытаются эти права умалить. По существу, идея прав человека предполагает реализацию принципа «не человек для общества, а общество для человека». Однако если все это воспринимать серьезно, то любые моральные нормы из абсолютных немедленно превращаются в относительные: они обязывают индивида лишь в той мере, в какой полезны ему лично. Более того, обозначенный принцип исключает такие признанные виды гражданского долга, как, например, защита отечества, если противник угрожает не кому-либо лично, а обществу в той или иной его форме. Совсем не случайно, что идею прав человека особенно охотно используют всевозможные меньшинства, «ограничиваемые» в своих специфических интересах большинством общества.

В восточнославянском мире большинство общества в силу объективных исторических, психологических, образовательных и демографических причин не способно в полной мере защищать свои интересы. В этих условиях энергичная и эффективная защита прав меньшинств (да еще, как правило, поддерживаемая извне) объективно превращается в ущемление и, в конечном счете, в отрицание прав большинства и, по сути дела, в антиобщественную, деструктивную деятельность (так как общество в целом – это в первую очередь его большинство, а не меньшинство).

Поэтому с нашей точки зрения более правомерно говорить о правах личности. Личность – это всегда продукт социализации, т.е. формирования в системе определенных общественных отношений, и в этом смысле органическая часть социального целого. Ее отношения с обществом не есть «игра с нулевой суммой», но, напротив, сотрудничество двух активных субъектов. Современное состояние общества требует именно высвобождения творческой энергии личности, способствующей повышению его конкурентоспособности.

Восточнославянские государства обязаны защищать интересы в первую очередь большинства своих обществ. Потому необходимо добиваться концентрации их усилий на обеспечении прежде всего не потенциально разрушительных для него «прав человека», но жизненно необходимых для его нормального развития неотъемлемых прав личности – на жизнь, жилье, образование, здравоохранение, труд, доступ к информации, участие в управлении, самовыражение и т.д.

Разумеется, для практической реализации указанных принципов необходимо создавать вполне конкретные формы политической и экономической интеграции восточнославянских народов, обеспечивающие им не только возможности духовного творчества, но и достойные условия материального существования в глубоко противоречивом глобальном мире. Можно выделить ряд причин, создающих объективную необходимость славянского единства. Во-первых, социально-политическая и духовная общность восточнославянских народов позволит им сохранить свою славянскую идентичность, которая в противном случае ставится под вопрос. Славянские народы, обозначившие целью вхождение в «европейский дом», вынуждены заявлять об отказе от славянской идентичности, как это делают, например, современные чехи. Во-вторых, процесс социально-политической и социально-экономической интеграции в гораздо большей степени соответствует универсалиям прогресса, нежели путь этнического и духовного изоляционизма. Именно в крупных политических образованиях («империях») возможно подлинное и яркое духовное творчество, преодолевающее «местечковость» и провинциальную зашоренность. В-третьих, единство славянских народов обеспечивает им политическую и культурную гегемонию в Евразии, что, в свою очередь, гарантирует ей целостность и устойчивость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко, И.А. «Очарованный странник» против «экономического человека» / И.А. Василенко // Москва. – 1998. – № 4. – С. 59–71.
2. Соловьев, В.С. Сочинения: в 2 т. / В.С. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
3. Делягин, М.Г. Созидание российской цивилизации / М.Г. Делягин // Свободная мысль. – 2006. – № 2. – С. 46–63.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о важности осмысления проблемы будущего в современном мире. Для этого необходимо сделать небольшое отступление. История, т.е. реализация иначе-возможного, а не «вечное настоящее», возможна лишь при убежденности людей и целых народов в том, что их нынешнее отставание, неудачи и даже провалы вполне реально компенсировать в будущем, что в нем могут поменяться местами лидеры и аутсайдеры, «сильные мира сего» и те, кто пока не преуспел. Однако такое видение будущего имеет в своей основе упование не на материальные факторы (они как раз сулят успех тем, кто лидирует сейчас), но на факторы духовные – воодушевленность, жертвенность, вдохновение. Настоящий историзм не логичен, а духовен – он открывает перспективу для тех, кто не имеет шансов по земным критериям экономического роста и политической власти. В связи с этим совершенно оправданным является замечание русского историка В. Ключевского, который писал, что «закономерность исторических событий обратно пропорциональна их духовности».

Основные противоречия современности, вопреки бытующему представлению, находятся не в экономической и научно-технической сфере. Они разворачиваются в первую очередь в пространстве идей, где сегодня столкнулись идея истории как процесса, ломающего логику «стартовых условий» и «решающих преимуществ», и идея «конца истории» – вечного настоящего, которое не оставляет надежды проигравшим ни сейчас, ни в будущем. Идея же истории как таковой может воодушевить всех потерпевших, помогает им обрести надежду, а вместе с ней – достоинство и силы.

Таким образом, если мы посмотрим на будущее не с точки зрения рационализма, всюду находящего закономерность и экстраполирующего ее на грядущее, но с позиции духовного отношения к миру, предложенного нам классической культурной традицией, то без труда обнаружим ложность футурологии, подсчитывающей исторические издержки и приобретения. Духовные масштабы будущего измеряются не цифрами роста, а воплощением идеалов духовности и справедливости. Если в обществе не остаются пассионариев, воодушевленных этими идеалами, то у него нет и будущего. ─